

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Вирус ненависти / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-205669-7

1944 год. Советское командование получает донесение разведки о том, что отступающие фашисты готовят заражение местности на западе Украины. Для этого они намереваются распространять в населенных пунктах отравленные детские игрушки, сладости и одежду. Группе Максима Шелестова поручено найти и уничтожить эшелон с опасными «гостинцами». Оперативники прибывают в лабораторию, где изуверы проводили опыты над детьми, и находят там интересующую их документацию. Возможно, в ней указано место, где хранится смертельный вирус... Шелестов понимает, что озлобленные неудачей гитлеровцы могут в любой момент реализовать задуманный план. Счет пошел на часы и минуты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205669-7

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Рассвет окрашивал розовым цветом низкие облака. А небо как будто сопротивлялось краскам, оставаясь серым и недобрый. На рассвете атака, и каждому бойцу все вокруг кажется подчиненным этому событию, этому мигу между жизнью и смертью. Суровые лица солдат, проверяющих свое оружие. Каждое лицо сосредоточено. Холодная броня танков, подсохшая трава с комьями земли на траках гусениц. Но вот взошло солнце, облака, казалось, послушно расступились, и небо полыхнуло глубокой лазурью. Лучи солнца осветили лес и поле, заиграли всеми цветами радуги капельки росы на броне.

— Красиво как, — невольно произнес вполголоса молодой автоматчик Пашка Селиверстов. — И не верится, что через пять минут снова война, смерть...

— Это еще не красиво, — хмыкнул черноглазый Янко Пеняк. — Вон там будет красиво.

Доживешь, Пашка, и узнаешь, что такое красиво, а что нет.

— Где это там? — уставился на солдата Пашка, начавший было надевать на голову каску.

— А вон там, впереди! Видишь горы впереди? Карпаты. Моя родина, мой дом. Я же гуцул. Склоны, поросшие лесами, хвоя пьянит своим запахом, ледяные потоки сбегают с гор, чистые, как слеза. А песни! Какие песни поют гуцульские девушки! Заслушаешься.

— Ты еще скажи, что гуцульские девушки самые красивые, — рассмеялся Пашка.

— Конечно, — уверенно сказал Янко. — А ты разве не знал?

Ответить Селиверстов не успел. Над перелеском пронеслись команды «заводи» и «по машинам». Десант из автоматчиков быстро забрался на броню «тридцатьчетверок». Вчера поздно вечером каким-то чудом к танковой группе пробилась несколько машин со снарядами. Пополнив боезапас, командир решил, что для одного броска горячего хватит. Должно хватить, главное, быстрее выскочить к концлагерю, не дать фашистам уничтожить или эвакуировать узников. Кто-то даже уточнял, что лагерь детский. Бойцы рвались в бой, у каждого дома остались сестры, братья, дети, племянники. У каждого танкиста

и автоматчика на броне сердце кровью обливалось от мыслей, что могли творить гитлеровцы с детьми в таких вот лагерях.

Поредевший во время прорыва танковый батальон развернулся в степи широким фронтом и пошел вперед. Гулко ударила пушка первого танка, потом второго. Моторы ревели на пределе, и танки шли на максимальной скорости, насколько позволяла местность. Преодолеть открытое пространство, сблизиться с противником, подойти ближе к позициям фашистов. Вот уже видны столбы с колючей проволокой, пулеметные вышки и низкие бараки. Снаружи несколько холмиков, видимо дзоты. Снова несколько выстрелов танковых пушек по целям, которые могли оказаться огневыми точками. А потом советские солдаты увидели, что среди охраны лагеря началась невероятная паника.

Несколько грузовиков вынырнули из-за барраков и попытались уехать в сторону дороги, но два из них тут же были разнесены взрывами от танковых снарядов. В одном из дзотов заработал немецкий пулемет, но ближайший советский танк, даже не стреляя, просто гусеницами разнес по бревнышку огневую точку. Два танка прорвались на территорию концлагеря, за ними волочилась проволока и обломки деревянных

столбов. Рухнула пулеметная вышка, и к баракам прорвались советские автоматчики. Навстречу выбегали женщины в полосатых халатах, некоторые несли на руках детей. Почерневшие изможденные лица, тонкие ручки и ножки. Десантники останавливались и молча смотрели на освобожденных узников. Они смотрели и не верили, что такое можно сделать с людьми. И кто, ведь это тоже сделали люди! Или не люди? Командир танкового десанта лейтенант Борович снял каску, бросил ее на землю и бросился к узникам. Он обнимал женщин, прижимал к груди детей и шептал:

— Господи, да за что же вас так... Родные, мы уже здесь, не бойтесь... Больше этого не будет... Простите, что не пришли раньше!

Горячего больше не было. Приказ от командования пришел простой — накормить, оказать любую посильную помощь узникам и ждать прибытия медиков. Командир танкового батальона капитан Рязанов приказал расставить танки так, чтобы их не было видно с самолета. Замаскировав технику под деревьями, между строениями, Рязанов не забывал и о том, что ему, возможно, предстоит держать круговую оборону. Крепкий, плечистый лейтенант Борович подошел к ко-

мандирской машине и со стуком положил на броню автомат.

— Боевое охранение выставил, ребят на кухню послал, но там из еды такое, что я умирать буду, а есть не стану.

— Станешь, — пообещал Рязанов, склонившись над картой местности. — Ты мне вот что скажи, пехота, чем кормить будем этих несчастных?

— На первых порах НЗ наше соберем. Полевая кухня нас не скоро догонит. А потом можно наведаться вон в тот поселок. Я сейчас туда отправлю на разведку отделение своих бойцов.

— У тебя сколько от роты осталось, лейтенант? — вздохнул танкист. — Мы с боями неделю рвемся на запад!

— Тридцать пять человек в строю, — угрюмо ответил лейтенант. — В том числе и трое легко раненных, которые отказались остаться в санбате.

— Шиш да маленько, — кивнул капитан. — Много мы людей потеряли, но зато немчуре крепко дали прикурить. Давай не рисковать! Вдруг там фашист прячется, окопался и помощи от своих ждет. У меня немного осталось горючего. Я тебе два танка дам в подмогу. Если что,

они разнесут этот поселок в щепки. Пусть только фашисты хоть раз выстрелят в вашу сторону!

— Ладно, я сам туда пойду, — решительно сказал лейтенант.

Лаврентий Павлович Берия всегда отличался выдержкой, мало кто был свидетелем его гнева, раздражения. Не любил всесильный нарком показывать свою усталость, слабость, непонимание чего-то или даже неосведомленность. Поэтому Берия никогда не спешил открывать рот, особенно в кабинете Сталина. Его слова всегда были взвешенными, обдуманными. Если тебе нечего сказать, то лучше вообще ничего не говорить, чем говорить хоть что-то. И сейчас, когда перед ним навтыяжку стояли комиссар госбезопасности Платов и командир особой оперативной группы Шелестов, нарком тоже не спешил говорить. Он прохаживался по кабинету, застеленному мягким ковром, и смотрел на мыски своих начищенных сапог. Шаги были почти неслышны и поэтому казались кошачьими, как будто нарком подкрадывается к кому-то или к чему-то.

— После Сталинграда и Курской дуги мы наступаем, — наконец, заговорил Берия. — Хорошо наступаем! Враг потерял инициативу, это очевидно. Гитлеровское командование не су-

мело реализовать за это время ни одной мало-мальски существенной наступательной операции. На фронтах, да и здесь, в Москве, многим уже грезится близкая победа, разгром нацистской Германии. И она обязательно будет!

Шелестов удивленно посмотрел на Платова. Что это с наркомом? Он вызвал подчиненных, чтобы поделиться тем, что у него на душе? Не замечал он раньше у Берии таких стремлений. Но Платов только движением бровей показал, что нужно подождать. Берия был по своей натуре неплохим актером, не мог он без артистических пассажей. Очень часто он отдавал свои приказы после вот таких вот «подводок». И сегодняшний день не был исключением. Берия повернулся к своим подчиненным, стоявшим посреди кабинета, и продолжил говорить уже решительным уверенным тоном:

— Кончится эта война, но будет другая, и за ней следующая. Но это будут уже другие войны. Не только горячие, но и холодные, будет противостояние и бряцание оружием, будут в тиши кабинетов и лабораторий изобретать новые способы убийства, новые способы победить в войне. Были попытки и в начале века на европейском театре военных действий, будут и впредь.

Посмотрев в глаза своим подчиненным, Берия как будто убедился, что те прониклись всей важностью предстоящего задания, и кивнул на стулья у приставного стола. Усевшись на свое рабочее место, он дождался, пока сядут сотрудники, и взял со стола карандаш. Это было в манере наркома, использовать предметы в виде указки или дирижерской палочки.

— На днях наши передовые подразделения из состава частей прорыва вышли к предгорьям Карпат, — помахивая карандашом, снова заговорил нарком. — Танковая группа спешила освободить концлагерь, пока фашисты не уничтожили узников. И они успели, за что честь им и хвала. Это был детский концлагерь, и наши бойцы обнаружили там кое-что страшное. Рядом с лагерем располагался научный городок, лаборатория, в которой нацисты разрабатывали новое оружие, испытывали вирусы, которые можно было бы использовать для массового заражения мирного населения или наступающей армии противника.

— Да, — не удержался от восклицания Шелестов. — Это уже совсем другая война...

— Другая! — оборвал оперативника Берия. — И чтобы она не случилась, чтобы избежать такой войны, ваша группа, товарищ Шеле-

стов, должна отправиться в предгорья Карпат, разобраться в ситуации, получить необходимые данные на месте.

— Что уже известно, Лаврентий Павлович? — уточнил Платов.

— Прибывший на место представитель Главного санитарного управления Красной армии смог установить по остаткам оборудования, что исследования, скорее всего, велись в области вирусологии. Никаких записей, журналов и образцов, вообще никаких материалов на месте не обнаружили. Но часть узников концлагеря показала, что в лабораторию привозили детей и назад в лагерь они уже не возвращались. Неподалеку есть место захоронения обугленных детских останков. Видимо, зараженных детей, чьи тела перед побегом фашисты уничтожали. По другим каналам мы получили сведения, что немцы не успели вывезти с освобожденной нашей армией территории железнодорожный вагон. Или не стали вывозить, оставив его специально. В этом вагоне детские игрушки в красивых привлекательных упаковках, конфеты в цветных фантиках. Все это может быть заражено смертельным вирусом, передающимся воздушно-капельным путем или при физическом контакте. Задача группы найти материалы лаборатории и вагон.

Материалы передать нашим медикам, вагон уничтожить на месте.

— Нам необходимо знать, как можно уничтожить вагон с этими игрушками так, чтобы не заразить все вокруг на многие километры и не вызвать эпидемию в той местности, — сказал Шелестов.

— Платов, — Берия посмотрел на комиссара госбезопасности, — найди им консультанта-вирусолога и отправь вместе с группой. Пусть помогает и советует на месте. Пока что есть предположение, что высокая температура губительна для этого вируса, да и для любого вируса вообще. Здесь в этой папке собрано все, что удалось получить на сегодняшний день. Группе вылететь на место сегодня же.

Берия достал из выдвижного ящика стола черную кожаную папку и положил перед Платовым. После разрешения идти Платов и Шелестов вышли в коридор. До кабинета комиссара госбезопасности они шли молча, размышляя о полученной информации и своих возможных действиях. В приемной на стульях расположились Буторин, Коган и Сосновский. Платов остановился и кивком поприветствовал группу. Буторин как всегда был хмур. Поднимаясь со стула, он по привычке пригладил седые волосы,

постриженные ежиком. Поднимался Буторин тяжело, только что не закричал в этот момент. Но Платов прекрасно знал, что это просто видимость, своего рода игра. Буторин быстр в движениях, лучше всех в группе владеет и оружием и сильнее всех в рукопашной схватке. Бывший следователь особого отдела НКВД Коган серьезен, почти равнодушен, но в его уме уже зреет решение проблемы, прикидываются пути решения задачи. Сейчас Коган еще не знает о сути предстоящего задания, но наверняка уже познакомился со сводками, попытался понять, где понадобилась помощь особой оперативной группы Лаврентия Бери.

А вот Сосновского воспринимать всерьез Платов так и не научился. Знал, что тот, как и Буторин, бывший разведчик, что несколько лет работал в Германии. Но этот пижон и актер всегда шокировал его своими образами, странного цвета галстуками, какими-то шейными платочками или красивыми летними туфлями, изящной белой шляпой, как сегодня. Все считали Сосновского бабником и легкомысленным человеком, и он этот образ всячески поддерживал. Высокий, симпатичный, с правильными холодными чертами лица, с эдаким налетом одухотворенной романтичности. Мало кто, глядя

на Михаила Сосновского, может предположить, что он в совершенстве владеет всеми способами убийства без оружия. Впрочем, с помощью оружия тоже.

Первым делом Платов поднял трубку телефона и приказал своему незримому помощнику решить вопрос с военным транспортным самолетом в прифронтовой район. Группа, слушая разговор комиссара государственной безопасности и своего непосредственного начальника, никак не отреагировала на эту информацию. За годы работы с Платовым члены группы привыкли к таким неожиданным заданиям. Положив трубку, Платов объявил, что вылет через несколько часов, и стал излагать имеющиеся данные.

— Самое главное, — добавил Платов в конце, — повторяю, самое главное — найти материалы, потому что это вакцина против вируса. И найти и уничтожить вагон с зараженными игрушками и конфетами.

На подмосковный военный аэродром группу привезли около двух часов ночи. Тускло блестел узкий фюзеляж мокрого от дождя транспортного «Дугласа». Подбежавший к машине офицер в брезентовой накидке козырнул и, кивнув на самолет, предложил скорее перебираться в са-

лон. Якобы ожидается кратковременное прояснение, а потом снова зарядит дождь и Москву накроет низкая облачность.

— Кто знает, может, пару часов, а может, всего минут тридцать будет более-менее ясно, — торопливо говорил офицер, идя рядом с Шелестовым. — Пилоты приказ поняли, готовы по-пробовать взлететь, хотя риск, конечно, есть. Но экипаж опытный, в переделках побывал. Вы не сомневайтесь!

— Нам должны были приготовить снаряжение, — напомнил Шелестов и кивнул на своих спутников, одетых в гражданские костюмы и дождевики. — Мы не можем в таком виде лететь.

— Все необходимое приготовлено и находится в самолете, там, в воздухе, переоденетесь. Вернуть ваши вещи назад, увы, не представится возможным. Сами понимаете, что летите в прифронтовую зону, а у пилотов будет другое задание. И в Москву они вернуться не скоро. Если хотите, упакуйте те же баулы и возьмите с собой.

— Ладно, обойдется, — отмахнулся Шелестов и сразу же подумал о красивых туфлях Соновского и его белой пижонской шляпе. — Вы лучше скажите про еще одного пассажира. Павел Анатольевич обещал нам помощника...

— Ждет в самолете, — поспешно ответил офицер. — Спит, наверное. Говорят, его с постели подняли.

Люк был открыт, к самолету приставлен легкий трап. «Ну, вот и снова задание, и снова в дождливую ночь, — подумал Шелестов, подняв лицо и посмотрев на ночное небо. — И провожают нас не девушки с платочками, а офицер из госбезопасности. И чем все это закончится, неизвестно. Хотя нет, известно. Группа выполнит задание, любой ценой выполнит, как это было всегда. Ведь опасность слишком велика для страны, значит, надо суметь эту опасность ликвидировать. Вот только с такой мерзостью группа еще не сталкивалась. С мерзостью людей приходилось бороться, но там все проще, потому что противостоят люди, а здесь бактерии. Хотя без людей они ничто, значит, снова главная мерзость — это нацисты, а бактерии это вторичное. Разберемся!»

Оперативники поднялись по трапу в самолет и принялись рассаживаться и осматривать приготовленные для них баулы с вещами и оружием. Здесь была военная офицерская форма, плащ-палатки. Вместо шинелей для оперативников приготовили кожаные куртки. Для каждого пистолет и автомат ППС.

— Надеюсь, с размерами угадали, — проворчал Сосновский, снимая свою шляпу и аккуратно кладя ее на соседнее сиденье.

— Ну, если ты только не располнел в талии, — рассмеялся Коган, снимая пиджак и растягивая рубашку. — Забыл, что нам уже пару раз так же вот готовили амуницию? У Платова все наши размеры в памяти или в сейфе.

Переодевшись, группа устроилась, насколько это было возможно, на дюралевых сиденьях и попыталась поспать хоть остаток ночи. Шелестов сидел рядом с человеком, который свернулся на сиденье и накрылся солдатским ватником. Оперативник обратил внимание на щуплые плечи и седину в волосах этого человека. Больше ничего рассмотреть не удалось, но и этого было достаточно, чтобы предположить, что с помощником группа еще намучается. Пусть задание и не совсем боевое, но все же физические данные вирусолога не вызывали восторга.

Ночь прошла незаметно. Шелестову показалось, что он только закрыл глаза, как в иллюминаторе стало светлеть. Он поежился и засунул руки под мышки. На востоке горизонт уже был светлым, наступал новый день, и мысли привычно возвращались после сна в рабочее

русло. Шелестов снова стал думать о предстоящей операции, о поисках, выстраивая возможные схемы, когда на соседнем кресле зашевелился вирусолог. Мужчина лежал всю ночь в неудобной позе и теперь его тело затекло. Приняв вертикальное положение на сиденье, он потянулся с кряхтением, но потом опомнился, что находится в самолете не один, и, резко обернувшись, испуганно взглянул на Шелестова.

— Подполковник Шелестов, — представился Максим Андреевич, — ваш командир. А вы, стало быть, прикомандированный к нашей группе ученый-вирусолог?

— Да, — кивнул мужчина и тут же поправился, стараясь отвечать по уставу Красной армии. — Так точно! Каратеев Семен Валерьевич. Рядовой Каратеев!

— Не служили? — понимающе заметил Шелестов. — Боевой подготовки никакой?

— Нет, я воевал, товарищ подполковник, — смутившись, но все же твердо заявил ученый. — Я был в Московском ополчении. Негоден был к строевой службе из-за плоскостопия, но в ополчение пошел добровольно. Стрелять умею, приходилось.

— Стрелять, — улыбнулся Шелестов. — Это хорошо. А попадать?

— В мишень, конечно, проще. Все-таки волнение не такое, как в бою. Попадал, иногда даже хвалили. А вот из окопа поначалу стрелял, лишь бы стрелять. Не так страшно, когда сам стреляешь, а не только в тебя. А потом привык. И ненависть помогала. Видел сам, как падали фашисты, в которых стрелял. И уж когда понял, что попадаю, что убиваю ненавистного врага, то и страх стал проходить. Вы извините, что я вам так подробно рассказываю. Просто я понимаю, что я для вас сугубо гражданская личность. Но Родину защищают не только на фронте, но и в тылу.

— Хорошо. — Шелестов похлопал ученого по плечу. — Ваше задание в этот раз, можно сказать, не боевое. Будете оказывать нам помощь в соответствии со своей специальностью. Но не советую расслабляться, думая, что мы в тылу, а значит, в безопасности. Случиться может всякое. Может, и пострелять еще придется. Пистолет-пулемет Судаева, я смотрю, вам выдали.

Говорить было трудно. Все же рев моторов доносился и сюда. И Шелестов ограничился лишь общими вопросами, оставив самое важное на потом.

Садился самолет на полевой аэродром на краю леса. Шелестов, глядя в иллюминатор, не увидел ничего, никаких признаков жизни. Значит,

придется ждать, когда за ними пришлют машину. Но когда самолет, пробежав по высокой траве, развернулся на опушке и замер на месте, стало видно, что люди неподалеку есть, и даже поблизости располагается целая аэродромная служба. Просто все очень хорошо замаскировано. И ремонтная мастерская, и кухня, и землянки для личного состава. Когда летчики спустились из самолета металлический трап, к самолету уже спешил плечистый лейтенант, придерживающий рукой зеленую полевую фуражку, которую норовило сорвать ветром от еще вращающихся винтов самолета.

— С прибытием! — крикнул лейтенант, и когда моторы замолчали, козырнул и спросил: — Кто у вас старший?

— Командир оперативной группы подполковник Шелестов, — представился Максим Андреевич.

— Командир роты триста двадцать восьмой отдельной штурмовой бригады лейтенант Борович, — вскинул руку к козырьку офицер. — Имею приказ взять под охрану объект и поступить в ваше распоряжение.

— Рота? — пожимая руку лейтенанту, спросил Шелестов. — Рота — это, конечно, солидно, но нам такое подразделение не нужно.

— От роты, товарищ подполковник, осталось всего два десятка бойцов. Так что, по армейским меркам, у меня и взвода не наберется. Но это по количеству. А так ребята боевые, опытные. Прошу в машину. Там в лесу «полупторка» ждет.

Пока Шелестов разговаривал с лейтенантом, его оперативники спустились по трапу вместе с баулами и оружием. Каратеев смущенно топтался чуть в стороне, но Шелестов подозвал его.

— Знакомьтесь, ребята. Это наш консультант, ученый-вирусолог Семен Валерьевич Каратеев. Вот и вся наша группа, Семен Валерьевич. Не считая двух десятков бойцов приданного подразделения автоматчиков, которые будут нас охранять и помогать нам в работе.

Когда Шелестов представлял оперативников, вирусолог вдруг странно посмотрел на Когана. И потом, когда они тряслись в кузове «полупторки», он украдкой смотрел на Бориса. Разговаривать было не менее трудно, чем в самолете. Машина подпрыгивала, и ее кузов отчаянно скрипел на кочках и ямах грунтовой, разбитой военной техникой дороге. Прошло не менее полутора часов, прежде чем в поле показались столбы с колючей проволокой и приземистые бараки концлагеря. Оперативники сразу повернули головы и стали смотреть на лагерь.